

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ «СОСТРАДАНИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

В романе «Идиот» и в записной тетради с черновыми материалами к «Идиоту» Достоевский придал огромное значение понятию «Сострадание». Князь Мышкин в своем диалогически напряженном монологе размышляет о характере отношения Рогожина к Настасье Филипповне и высказывается так: «Он (Рогожин. — *Т.К.*) говорит, что любит ее не так, что в нем нет сострадания, нет „никакой такой жалости“ <...>. Нет, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать <...>. Сострадание осмыслит и научит самого Рогожина. Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (8; 191–192). Еще мы находим в записной тетради с набросками к «Идиоту» такую запись: «Сострадание — все христианство» (9; 270).

Слово «Сострадание», вероятно с особенным значением, появилось впервые в сентиментальном романе «Белые ночи» в устах героя-мечтателя. По поводу своего отношения к Настеньке герой-мечтатель оправдывается: «Неужели же был грех почувствовать к вам братское сострадание?» (2; 108).

Слово «Сострадание» означает «со-страдать», то есть совместную субъективность, иначе говоря, отношение <Я — Ты>. Понятие <Я — Ты>, как известно, применялось к творчеству Достоевского В. Ивановым и М. Бахтиным для характеристики идеи и поэтики писателя. Эта идея до сих пор преимущественно обсуждалась на уровне поэтики, то есть в плане отношения автора к герою. Тем не менее, мне кажется, функция этой идеи в плане темы и сюжета еще мало или почти не рассматривалась.

Когда мы рассматриваем идею <Я — Ты> в аспекте реальных взаимоотношений человека, нельзя не столкнуться с деликатным свойством этой идеи в действительности, о чем нам нужно предварительно объяснить. В этом смысле нам очень важно рассуждение Мартина Бубера.

По Мартину Буберу, отношение <Я — Ты> тесно связано с отношением <Я — Оно>, в чем выражается двойственность человека по отношению к миру. Отметим некоторые его важные тезисы: «В мире каждое Ты в соответствии со своей сущностью обречено стать вещью или вновь и вновь отходить в вещь (то есть становиться Оно. — *Т.К.*). На языке объектов это звучало бы так: каждая вещь в мире может или до, или после своего овеществления являться какому-либо Я как его Ты. <...>

Оно — куколка, Ты — бабочка. Но это не всегда последовательно сменяющие друг друга состояния, напротив, часто это сложный и запутанный процесс, глубоко погруженный в двойственность»¹. Бубер называет переход Ты в состояние Оно «возвышенной печалью нашей судьбы»². В другом месте Бубер развивает свою идею так: «Мир Оно обладает связанностью в пространстве и времени. Мир Ты не имеет никакой связанности в пространстве и времени. Отдельное Ты *должно* стать Оно, когда отношение исчерпано. Отдельное Оно *может* через вхождение в действительность отношения стать Ты»³.

Когда мы анализируем сюжеты творчества Достоевского в свете концепции М. Бубера, по-моему, открывается большая возможность проникнуть в глубину идейности писателя.

В романе «Бедные люди» мы сразу встречаемся со словами Макара Девушкина, в которых звучит жажда к установлению отношения <Я — Ты>, противоположному <Я — Оно>: «Я знаю, чем я вам, голубчик вы мой, обязан! Узнав вас, я стал, во-первых, и самого себя лучше знать и вас стал любить; а до вас, ангельчик мой, я был одинок и **как будто спал, а не жил на свете**. Они, злодеи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и гнушались мною, ну, и я стал гнушаться собою; говорили, что я туп, я и в самом деле думал, что я туп, а как вы мне явились, то вы всю мою жизнь осветили темную, так что и **сердце и душа моя осветились**, и я обрел душевный покой и узнал, что и я не хуже других; что только так, не блещу ничем, лоску нет, тону нет, но все-таки я человек, что сердцем и мыслями я человек» (1; 82).

В этом высказывании Девушкина легко отметить два типа отношений человека к человеку. В объективированном мире Девушкин смотрит даже сам на себя как на объект («гнушались мною, ну, и я стал гнушаться собою»). Тогда как Варенька явилась для него качественно в совсем другом отношении («вы всю мою жизнь осветили темную, так что и сердце и душа моя осветились»).

У Девушкина была большая мечта возродиться как личность, установив с Варенькой отношения <Я — Ты>. Однако его мечта сбылась только кратковременно и не выдержала испытания «в пространстве и времени». Это и есть «возвышенная печаль нашей судьбы», по выражению Бубера.

С этой точки зрения интересно суждение Валериана Майкова по поводу «холодного деспотизма» Вареньки, которая в конце романа рассылает Девушкина по магазинам со вздорными поручениями. В. Майков объясняет причину поступка Вареньки так: «Само собой разумеется, что любовь Макара Девушкина не могла не возбуждать в Варваре Алексеевне отвращение, которое она постоянно и упорно скрывала, может

¹ Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М., 1995. С. 25.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 35.

быть, и от самой себя. А едва ли есть на свете что-нибудь тягостнее необходимости удерживать свое нерасположение к человеку, которому мы чем-нибудь обязаны и который (сохрани боже!) еще нас любит! Кто потрудится пошевелить свои воспоминания, тот наверное вспомнит, что величайшую антипатию чувствовал он никак не к врагам, а к тем лицам, которые были ему преданы до самоотвержения, но которым он не мог платить тем же в глубине души»⁴.

В этом наблюдении В. Майкова, можно усмотреть тонкое психологическое передвижение отношения <Я — Ты> в состояние <Я — Оно>. В мире Достоевского носитель идеи <Я — Ты> в основном является человеком мечтательной склонности. В то же время он человек развитого самосознания, которому свойственна несчастная функция смотреть на себя со стороны, с чужой позиции, то есть, в состоянии <Я — Оно>.

В творчестве Достоевского романтическая мечта героев морально ассимилироваться с другими переходит подспудно в противоположное состояние и, как правило, терпит крах. Здесь возникает проблема «Другости». Такое явление наблюдается в «Бедных людях» и «Двойнике» и на уровне самосознания героев, и на уровне сюжета.

В повести «Слабое сердце», вопреки поверхностному толкованию Аркадием причин гибели Васи будто бы «от благодарности», из текста очевидно, что чрезмерная сострадательная заботливость Аркадия явилась серьезным психологическим давлением на Васю. Интересно, что признание Васи Аркадию перекликается со словами В. Майкова об отношении Вареньки к Девушкину:

«Да, да, Аркадий, я не знаю, за что ты меня так полюбил! Да, Аркадий, знаешь ли, что даже твоя любовь меня убивала? <...> и сердце мое дрожало от того, оттого... Ну, оттого, что ты так любил меня, а я ничем не мог облегчить своего сердца, ничем тебя возблагодарить не мог...» (2; 39).

Повествователь задает читателям в конце повести вопрос: «Где эта беда? Зачем они не понимали друг друга?» (2; 47). Значит, доброжелательный Аркадий до конца сознательно не понял настоящую причину гибели друга. Даже в известной сцене на Неве, в эпилоге, Аркадий только слегка интуитивно смог ощутить свою вину перед Вассей: «он побледнел и как будто прозрел во что-то новое в эту минуту... Он сделался скучен и угрюм и потерял всю свою веселость» (2; 48).

В связи с нашей постановкой вопроса исключительный интерес представляет тайное письмо неизвестного человека к Александре Михайловне в романе «Неточка Незванова». В этом письме, полном намеков, ясен один факт, что это человек униженный, с сознанием овеществления себя в чужих глазах и одновременно — с «страстью, как огонь». И он не в состоянии отвечать наравне на «сострадательную любовь»

⁴ Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 181.

Александры Михайловны. Как признается он сам, «страсть, как огонь, охватила меня, как ад, пролилась в мою кровь; она смутила все мои мысли и чувства, я был опьянен, я был как в чаду и отвечал на чистую, сострадательную любовь твою не как равный ровне, не как достойный чистой любви твоей, а без сознания, без сердца» (2; 241). Далее следует такое его признание: «Знаешь ли, что мне тяжела, мучительна была подчас твоя сострадательная всегдашняя нежность со мною?» (2; 242).

С одной стороны, его сердце было спасено, хоть и кратковременно, сестринской любовью Александры («ты любила меня, как сестра любит брата» — 2; 242), так же, как это случилось с Макаром Девушкиным благодаря любви Вареньки. Но в то же время, с другой стороны, его страсть не могла соответствовать любви Александры. По его словам, «страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь, — любви я боялся; я не смел тебя полюбить; в любви — взаимность, равенство, а их я был недостоин» (2; 241).

Таким образом, сострадательная любовь или сострадательное отношение (иначе говоря, отношение <Я — Ты>) у персонажей Достоевского очень трудно сохраняется в пространстве и времени и легко превращается в отношение объектов (<Я — Оно>, страсть — объект).

В таком состоянии человеческих отношений мы видим сквозную антропологическую тему в творчестве Достоевского, в частности раннего Достоевского. Эта проблема у писателя, по-моему, реализуется также и в сюжетах произведений. В «Белых ночах», когда предпринятое с «братским состраданием» знакомство героя с Настенькой заканчивается предложением, то есть проходит испытание в пространстве и времени обыденной жизни, его мечта эфемерно разрушается перед появлением возлюбленного Настеньки, по всей вероятности очень деловитого и способного. Ведь он ездил в Москву на год, чтобы «устроить свои дела» перед браком с ней. Тем не менее о том, что Настенька была все-таки очарована открытым обращением героя-мечтателя в смысле <Я — Ты>, свидетельствует такое странное длинное ее письмо герою в финале романа, в котором она умоляет его не оставить ее, любить ее.

В романе «Идиот» нас удивляет двойное предложение князя Мышкина Настасье Филипповне и Аглае, которое, вероятно, произошло по причине отсутствия ощущения скованности пространственной и временной связью у самого князя Мышкина, олицетворяющего идею «Сострадания», то есть, отношение <Я — Ты>. Эта обстановка опять напоминает слова Бубера: «Мир Оно обладает связанностью в пространстве и времени. Мир Ты не имеет связанности в пространстве и времени. Отдельное Ты должно стать Оно, когда отношение исчерпано».

Трагизм князя Мышкина заключается не только в том, что он не сумел спасти ни Настасью Филипповну, ни Аглаю, ни Рогожина, но и в том, что он сам превратился в объект борьбы двух женщин. В катастрофической сцене «встречи соперниц» Настасья Филипповна в истерическом состоянии выговаривает такие символические слова: «Мой! Мой!

— вскричала она. — Ушла гордая барышня? Ха-ха-ха! — смеялась она в истерике, — ха-ха-ха! Я его этой барышне отдавала!» (8; 475).

Таким образом, идея «Сострадания» Мышкина в действительности не состоялась. Это можно считать, по словам Бубера, «возвышенной печалью нашей судьбы». Здравомыслящий наблюдатель Евгений Павлович критикует Мышкина: «Но ради сострадания и ее удовольствия разве можно было опозорить другую, высокую и чистую девушку, унижить ее в тех надменных, в тех ненавистных глазах? Да до чего же после того будет доходить сострадание?» (8; 482).

Теперь посмотрим, как относятся такие темы и сюжеты, основанные на антропологической идее Достоевского, к поэтической идее писателя, которая глубоко рассматривалась М. Бахтиным. Понятие <Я — Ты> в смысле диалогического отношения применялось Бахтиным в основном к анализу отношения автора к героям, и у него очень мало упоминаний о характере отношения между героями, как о характере темы и сюжета. Тем не менее, мы встречаемся с таким суждением: «Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого»⁵.

Или: «В сущности, все герои Достоевского сходятся вне времени и пространства, как два существа в беспредельности. Скрещиваются их сознания с их мирами, скрещиваются их целостные кругозоры. В точке пересечения их кругозоров лежат кульминационные пункты романа»⁶.

В результате противопоставления монологического сознания (<Я — Оно>) полифоническому (диалогическому) сознанию (<Я — Ты>) в концепции Бахтина отсутствует критический момент возможности их взаимоперехода. По-моему, «внутри» полифонического сознания автора не исключены монологическое сознание персонажей, повествователей, хроникеров и др., потому что их образы неизбежно фиксируются во времени и пространстве и типизируются.

Только Достоевский как первичный автор умеет избежать фиксирования своего образа в пространстве и времени и живет в вечный нынешний момент, преображая себя в бесконечную функцию. По словам Бахтина, «первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления»⁷.

Первичный автор, умеющий активизировать диалогическое отношение между героями, не оставляет превращенных в состояние объекта (<Я — Оно>) героев в завершенном положении. Хотя к исходу развития сюжета судьбы сострадательного отношения <Девушкина Вареньки>, <Аркадия — Шумкова>, <героя «Белых ночей» — Настеньки> и <князя

⁵ Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 312.

⁶ Бахтин М. М. Из книги «Проблемы творчества Достоевского» // Там же. С. 182–183.

⁷ Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов // Там же. С. 353.

Мышкина — Настасья Филипповны» кончаются трагически, их идея возобновляется и воскресает.

По словам Бубера, «отдельное Оно *может* через вхождение в действительность отношения стать Ты». Яркие примеры такого явления мы видим в отношениях Раскольникова — Сони и Дмитрия Карамазова — Грушеньки. В этом смысле очень глубокое значение имеют слова Раскольникова на последней странице романа: «Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...» (6; 421). И слова Дмитрия к Алеше в последней части романа: «Прежде меня только изгибы inferнальные томили, а теперь я всю ее душу принял и через нее сам человеком стал!» (15; 33). В этих словах мы можем увидеть настоящую совместную субъективность <Я — Ты>.

Таким образом, отношение <Я — Ты>, представляемое у Достоевского на уровне темы и сюжета понятием «Сострадание», является неустойчивым в пространстве и времени и легко превращается в <Я — Оно>, то есть в овеществление, в другость. Но авторское диалогическое отношение на уровне поэтики всегда позволяет автору прозревать возможность воскресения <Я — Ты> из овеществления <Я — Оно> и обеспечивает открытие глубинной личности человека. Именно таким соотношением темы, сюжета и поэтики, по-моему, характеризуется творчество Достоевского.